

кие подарки и ставят их ценою рублей по сто, по двести, по пяти сот, по тысяче и больше". . .

Так расценивалась птица, служащая для забав и подарков. Тот-же, кто добывал эту птицу, холоп-крестьянин, ценится только в „пятьдесят рублей“. „Для обучения соколов содержалось более 100 тысяч голубиных гнезд, корм которым шел с Житного двора“. Хотя и грубее тогда были обычаи и нравы, но и тогда все это не могло не возбуждать недовольства в обнищавшем народе.

Бояре, выпустившие инициативу управления государством из своих рук при Алексее Михайловиче, оказавшись не у кормила правления, а в безусловном и довольно строгом подчинении у царя, быстро приспособились к этому положению. Притихли они перед царем и замолкли настолько, что даже при обсуждении дел по приглашению царя свое участие выказывали только молча, моргая глазами и „тихонько“ шевеля „брадами“.

Они, эти вельможи, уже не выказывают претензии руководить царем, а держат себя перед ним как истые холопы-рабы. Они, называя себя холопами государя, не считали бесчестными, когда он „приказывал кого-нибудь из них побить за какой-нибудь проступок; побитый, напротив, оставался очень доволен, видя в этом знак благоклонности государя и благодарил его за это, что пожаловал, удостоил исправить и наказать его, своего слугу и холопа“. (Ключевский).

Здесь, во дворце, „эти вельможи, советники и другие люди высшего класса“ безгранично выражают обожание, преклонение, готовность даже за бесчестные для каждого человека побои плетью благодарить царя, целовать край его одежды, что он так „пожаловал“ их своим вниманием. Здесь раболепство, преклонение, рабски-холопское отношение к господину их жизни.

Но лишь вышли бояре из дворца, как лик их мгновенно преобразуется. Как только они вступили в среду простого народа, как будто чудесное опало смехнуло с них дух холопства, низкопоклонства, пресмыкания и лести. Откуда, вдруг, берется горделивый вид, высоко поднятая голова и полный презрения взгляд на все, что ниже их стоит — на народ. Что за важность и недоступность проявляются во всей фигуре выезжающего из Кремля боярина стального. Каким величием дышит его весь „могучий“ стан, когда он с осанкою важно едет по улицам Москвы под звуки четко, время от времени раздающихся ударов в особой формы барабанчик-звучки, приказывающие народу дать дорогу вельможе.

Покорно, сняв шапки, расступаются молодые люди и перед низко опущенными головами тех, кто на Руси и до сих пор за человека не считается, важно шествует он — боярин“.

Алексей Михайлович, прозванный „тишайшим“, едва ли оправдывал это название. Ведь на протяжении его царствования один мятеж сменял другой. Не безинтересно знать причины этих волнений, бунтов простого народа против существующей власти при Тишайшем.

Если хоть кратко мы ознакомимся с правопорядками Московского царства тех времен, то легко можем заметить, что тяжести политического режима и социального быта этого государства сами как бы подталкивали народ к выявлению своих обид, требований, протеста в бунтах.

Еще Иван IV Грозный „вынужден был черносошными-государственных крестьян прикрепить к земле“. Годунов пошел немного дальше и, еще при жизни Федора Ивановича, провел распоряжение, в силу которого и частновладельческие крестьяне не всегда могли свободно переходить от одного владельца к другому, тогда как „до 1592 года крестьяне были люди вольные и по праву, в определенный годичный срок, переходили с земли одного господина на землю другого“. (Костомаров).

Крестьяне, недовольные таким положением, начали уходить самовольно. Тогда указом 1597 года владельцам дано было пятилетнее право на поиски бежавших от них мужиков. Затем, не останавливаясь на этом, Борис Годунов, желая приобрести симпатии у „сильных“ мира, как человек не царского рода, но достаточно умный, чтобы уметь защищать и проводить в жизнь свои личные интересы, издал в 1601 и 1602 гг. указы, по которым крестьяне мелких владельцев были свободны в выборе места работы, а крестьяне „в имениях патриарших, монастырских, бояр, дьяков, больших дворян и приказных людей прикреплались к земле“. (Костомаров).

В Смутное время честолюбивые бояре, перессорившись меж собою из за желания каждого быть на престоле, порешили в силу „необычайной“, вероятно, „сыновней“ любви к своему отчеству, остановиться на иностранце — Владиславе. Предлагая ему занять русский престол, эти господа не забыли поставить в условии такого предложения и пункт о крестьянах, чтобы „на Руси промеж себя крестьянам выходу не быти“.

Надо думать, что это лишение права выбора места как „нравилось“ крестьянам, что из отдельных побегов этот протест постепенно превращается в повальное бегство в поисках лучшей доли. Владельцам уже не хватает пятилетнего срока на розыски бежавших от них и указами 1637, 41 и 47 годов он доводится до 15 лет. С первых же дней воцарения Романовых это лишение крестьян самого элементарного права — права выбора места жительства и возможности свободного передвижения в пределах своего государства, это постепенное превращение их в рабочий скот идет далеко успешнее, чем до Бориса Годунова.

Глексей Михайлович настойчивее и крепче. Точно также, как он сумел освободиться от влияния бояр, этот „Тишайший“ царь в 1649 году наносит сокрушительный удар и по крестьянству, изданием Уложения, которым доводит дело прикрепления крестьян к земле до конца: „все бежавшие должны были быть возвращены своим былым господам“.

(Продолжение следует).

Санна Балыков

П О Б Е Д А

От матери — первой в аймаке злоязычной скандалистки и отца, изворотливого конокрада, — унаследовал Радни Балхаков дух беспокойный, мысли дерзкие и хлесткий язык. Вечная беднота в доме рано срослась его с завистью и злобой к живущим в достатке. А когда осенью 1917 года восемнадцатилетнего Радни, станичного стипендиата, за дурное поведение выгнали из 5-го класса реального, то революционный герой станицы Бокшурганской был уже готов.

Его завистливая, жадная и оскорбленная душа неудержимо потянулась к той темной и злобной массе, которая грабежом чужого добра, пожарами и кровью рвалась поправить свою Богом опущенную горькую долю. Радни стал осатанелым большевиком, ушел из среды родного народа и пристал к русским мужикам.

Когда Калмыцкий округ наводнили мужицкие банды и разбойными шайками расползлись по аймакам, ненасытным вампиром всосался в свою богатую станицу Радни Балхаков.

Шелестящими крупными бумажками, зерном и хлебом, баранами и бирючками откупались станич-

ные богачи от террора комиссара Балхакова. После многих и многих лет бедноты, полуголодного стола и рваной одежды, свалились на семью сытость и довольство из чужих дворов и сундуков. Целую зиму в праздничном изобилии жила семья Балхакова. Радни распутал все узлы. Растоптав народные традиции морали, заменил он их коммунистическими возгласами о грабеже; до оскорбления народных святынь и до отрицания Бога добрался обнаглевший малец...

* * *

До боли стиснув челюсти, молчал Бокшурганов аймак. Тугими, неразстворяющимися комками, копила станица возмездие, чтобы при первой перемене ветра с корнем вырвать из честной среды крапивную заросль Балхаковых . . .

И повеял, наконец, долгожданн-й ветер. Темной теплой майской ночью тихо зашумелись бокшурганцы. Бесшумными черными силуэтами, от двора ко двору, забегались человеческие фигуры. В землянках, с наглухо закрытыми и заложеными окнами, при свете прикрученных ламп, завозились мужчины, собирая разобранные седла. Тихо перешепты-

ваясь с женами, смазывали они, заржавевшие в навозах, палаши и затворы винтовок . . .

Чуть заалел восток, и ранний жаворонок завел пробудную трель, а уж взметушилась вся станица. Красноармейский взвод, охрана комитета, спящим был обезоружен, арестован и заперт в амбар. В теплых постелях были арестованы комиссары, связанные и согнаны к станичному правлению. На широкой рыси выехал из станицы раз'езд в сторону Дона, ища казачьи полки, и замаячили калмыцкие пикеты по окрестным курганам на холмах.

Пала кровавая, ненасытная и паразитическая власть мужиков над калмыками. Быстро и бесшумно прикончила станица бесповоротных сторонников большевизма. Но не попался местный главварь большевиков — Радни Балхаков. Богомольная и сердобольная старушка-соседка спасла его молодую жизнь, еще с вечера предупредив о грозящей опасности. Когда десяток людей, с револьверами и винтовками, окружил землянку Балхакова, Радни был уже далеко от станицы и мчался в мужичий хутор, к своим большевикам. Оробевшие супруги Балхаковы невинными головами искупили грехи своего сына.

* * *

Застывающей лавой, изрынутой из земного нутра, медленно, неохотно перекатываясь, поминутно щетинаясь и обороняя награбленное добро, уходили мужичьи отряды из казачьей земли, где им так сытно, богато и привольно зимовалось.

Много месяцев, с тяжкими боями, гнали казаки большевиков к граням своей земли, теплой кровью орошая родную ширь. Два калмыцких полка, блистая славой боевой в строю донских полков, щипали красных злодеев . . .

Но настали опять черные дни. Упругим канатом натянулся мужичий фронт, миллионами дешевых голов наполнился он из России и, вдруг, кровавым потоком накатился на казачьи силы. Печально опустели калмыцкие станицы на Дону весной 1919 года перед надвигающейся на них красной смертью.

Обозленным зверем прискакал в свою станицу Радни Балхаков. Черные провалы окон и распахнутых дверей немymi очами смерти глядели на него отовсюду. Широко разбросавшаяся, богатая и людная станица пустыни гнездами улетевших птиц представилась ему. Только кучу золы, глины, щепок и извороченного старого камыша нашел он на месте своей землянки.

В кипящей злобе, упорно заходя в каждый дом, нашел он, наконец, одного больного старика, разоренного и осиротелого большевицкой революцией и не смогшего покинуть станицу. Со скрежетом зубным набросился он на беззащитного старика. Голого, дрожащего на исхудалых ногах, толкая дулом маузера, выгнал он его за станицу и заставил рыть себе могилу.

— Сынок, зачем заставляешь рыть, не нужна мне яма, застрели и оставь лежать, пусть собаки и птицы

поедят мое мясо — брался увещевать старик своего палача.

— Рой-рой! . . . старый буржуй, хоть перед смертью потрудись! . . . Жаль, что станица пуста, а то я бы показал, как моих родителей убивать . . . ламу бы вашего собственными руками задушил, что богами народу голову морочил! — кричал в ответ Радни.

— Не грехи, сынок. Тягайся с людьми, а Бога не трожь — ворчал старик, тудясь над ямой.

— Молчать! . . . старый балван! . . . Какой тебе Бог?! Я победил всех твоих богов! Вон храм ваш, так пойду я туда, войду и сделаю то, что люди делают в балке! . . .

— Не хвались сгоряча. Не допустят тебя силы верхние до этого. Даром тебе то не пройдет . . . Ну, сынок, яма готова, можешь стрелять — спокойно сказал старик, укладываясь в мелкой яме головой на восток и тихо шепча молитву . . .

* * *

Солнце медленно погружалось на далеком степном горизонте. Пристрелив покорного участника старика, Радни поскакал в хурул и, привязав коня у дверей, вбежал в старый храм. Уже царил мрак в немом храме. Золоченные статуи Буды и Мядира в различных видах едва можно было различить напряженным зрением.

Как ни смело вошел сюда Радни, как ни пылало сердце огнем дерзания, а жуть схватила его, когда он приблизился к главной статуе Будды, чтобы осквернить ее. Невольно вспомнилось ему, как часто в детстве приводила его мать сюда в престольные дни, и он, чистенький и причесанный, сложив ручонки, робко прикасался головою подножья статуи. Огромный темный храм, полный невидимых священных статуй, давил его своей вековой таинственной властью. Мертвая тишина безлюдной станицы и только что убитый старик напрягали его нервы.

Невольно угасши духом, направил он свой взор в ту точку, где должно быть чело статуи и онемел на месте . . . Глаза статуи светились зеленоватым огоньком и мигали. Вздогнув от внезапного страха, хотел было повернуться Радни, чтобы выйти без кощунства, как разнесся по храму ужасный, не то человеческий, не то звериный крик . . .

— Гг-а-а-ppp! . . . — послышалось ему.

— А-а-а-й-й-й-й! . . . — по детски заревел в ответ Радни и в диком ужасе выбежал из храма. Испугавшись его крика, почти одновременно с ним, бесшумно вылетел из храма сыч. Не переставая безумно орать, вскочил Радни на коня и помчался в направлении слободы Марьиновки, где ночевал большевицкий конный отряд . . .

Через двое суток буйства, не приходя в себя, умер от белой горячки личный адъютант командира красноармейского конного отряда Радни Балхаков. До самой смерти, между звериными воплями, он кричал:

— Есть Бог! . . . Жив Будда! . . . Глаза у него зеленые, голос звериный! . . .

А.Тавлинцев

СКАЗКА О СТЕПОВОЙ ВОЛЕ И О ГАДЕ-КРАСНЮКЕ

Меж горами и долами, промежду широкими морями, с курганами и буераками, с реками многоводными, со станицами весело-шумливыми, лежит казачья степь. Долго жила она свободно и шастливо,

пока не стражилось над нею злое лихо: подули вдруг с Севера жестокие ветры и нагнали на казачью землю мор и оскудение. Допреж того щедрая степь перестала колоситься богатыми урожаями, а зло-